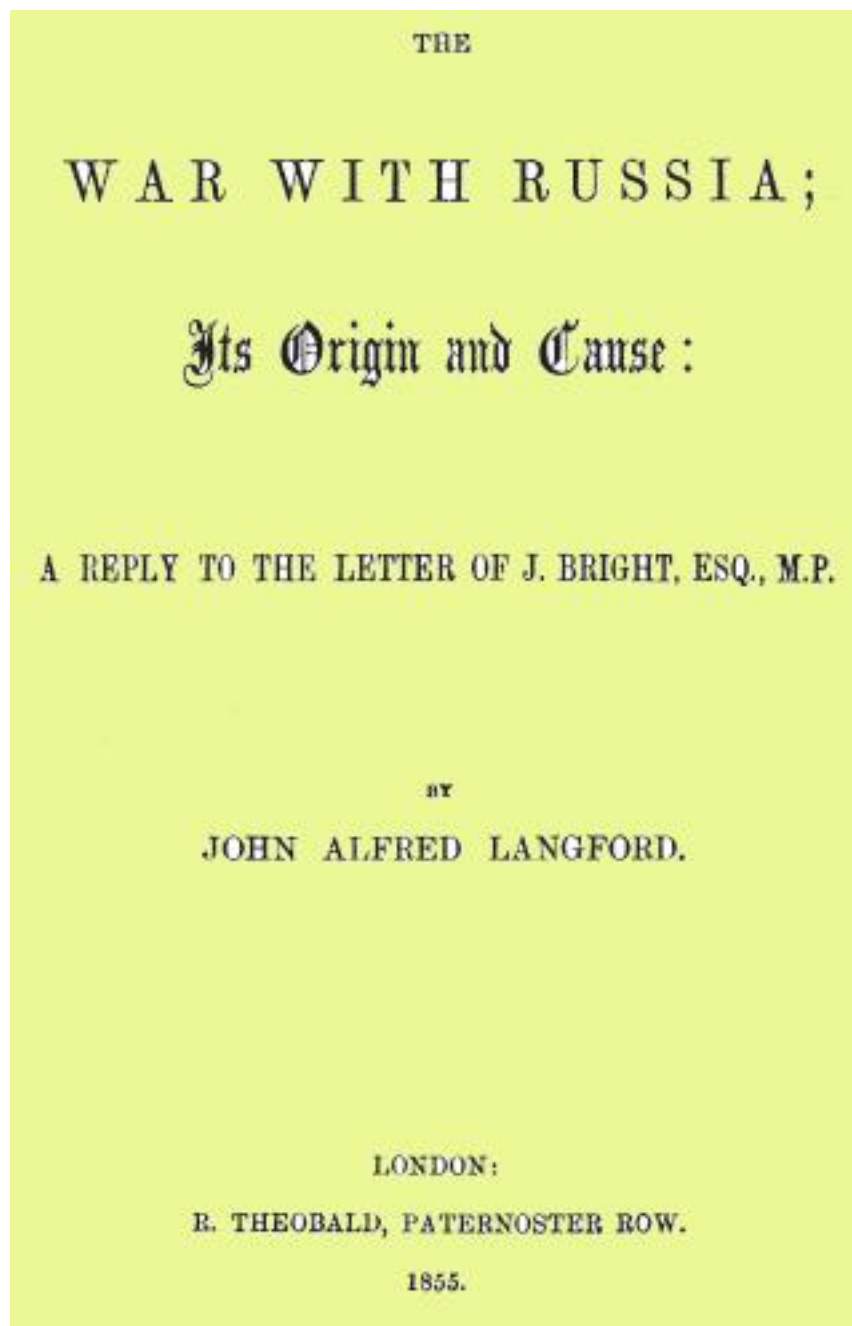

Война с Россией. Ее происхождение и причины. Ответ на письмо Дж. Брайта, эсквайра, члена парламента

Джон Альфред Лэнгфорд

Электронная книга проекта "Гутенберг" о Войне с Россией; Ее происхождение и причина

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Война с Россией; Ее происхождение и причины

Автор: Джон Альфред Лэнгфорд

Дата выхода: 26 ноября 2019 [Электронная книга №60791]

Язык: Английский

Титры: Переписано по изданию Р. Теобальда 1855 года Дэвидом Прайсом.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ВОЙНА С РОССИЕЙ; ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПРИЧИНЫ" ***

Переписано с R. 1855 г. Издание Теобальда Дэвидом Прайсом, csx074@pglaf.org

ВОЙНА С РОССИЕЙ; Ее происхождение и причины:

ОТВЕТ НА ПИСЬМО Дж. БРАЙТА, ЭСКВАЙРА, члена парламента

ДЖОН АЛЬФРЕД ЛЭНГФОРД.

ЛОНДОН:
Р. ТЕОБАЛЬД, ПАТЕРНОСТЕР-РОУ.
1855.

БИРМИНГЕМ:
НАПЕЧАТАНО Дж. А. ЛЭНГФОРДОМ, ЭНН-СТРИТ.

ВОЙНА С РОССИЕЙ.

Среди звона оружия и ожесточенной борьбы менее вредная, но, возможно, не менее мощная война мнений, столкновение противоречий, распространение "взглядов" так же заняты своим делом, как и в трудные мирные времена. Как и следовало ожидать, ужасная борьба, в которую мы вовлечены, поглотила все остальные чувства; и независимо от того, согласны люди или нет относительно причины, необходимости и справедливости войны, все они ревностны и серьезны в защите или противодействии. Подавляющее большинство нации верит в справедливость позиции Англии — верит, что она исчерпала все средства и даже вышла за рамки строгого национального уважения, стремясь удержать руку того, кто, по ханжескому выражению, постоянно призывал к изменениям в теме мира, и все же проявил такое стремление "поднять шумиху и спустить псов войны" — верит, что для нее не было другого пути — верит, что если она хочет сохранить свои собственные, с таким трудом завоеванные свободы, она должна решительно противостоять любым дальнейшим посягательствам на права и вольности из Турции. Подавляющее большинство нации было и остается твердо убежденным в этом и самым решительным образом заявило о неизблемости этого убеждения энтузиазмом своей поддержки и поразительной щедростью своих кошельков. И все же, несмотря на ясность, с которой был намечен для нас наш курс, несмотря на постоянную агрессию России, то тайным обманом, то открытой силой, со времен Петра I. и по сей день, в Англии есть партия, и есть ряд англичан, которые, придерживаясь предвзятых взглядов при изучении вопроса, заявляют, что находят в Синих книгах — в документах, изданных правительствами великих наций, Англии, Франции, Турции и России — достаточные основания осудить политику, которую приняла Англия, и объявить войну бесчестной, несправедливо и позорно. Среди партии, придерживающейся этой точки зрения, есть люди богатые и влиятельные, и они не жалеют сил и средств на пропаганду своих взглядов. Лекторы разъезжают из города в город, распространяя частичные и *ex parte* заявления о причинах войны; а письма и речи, к которым прилагаются тщательно собранные выдержки из "Синих книг", печатаются и безвозмездно распространяются тысячами людей, чтобы внушить людям ложно называемые принципы мира. Цель настоящего трактата - изучить претензии этой партии, проверить ее заявления, дополнить цитаты, которые были приведены частично, и, представив *полное* изложение фактов, дать людям возможность самим судить о ценности этой пропаганды и справедливости того дела, которое вынуждено прибегать к таким средствам для своей поддержки и защиты.

Мистер Брайт в своем Письме мистеру Авессалому Уоткину говорит, что "мы находимся в состоянии войны не только с Россией, но и со всем христианским населением Турецкой империи"; а мистер Джордж Томпсон в своей лекции о войне подкрепил это утверждение удивительно смелым утверждением, что "греческие христиане, составлявшие массу населения Турции в Европе, имели общую веру, общую надежду и признавали общее главенство с христианами России". Итак, каковы факты? Греческая церковь в Турции считает Русскую Греческую Церковь раскольнической и еретической и отказывается и когда-либо отказывалась признавать патриаршество российского императора. Из 11 000 000 членов Греческой церкви, являющихся подданными султана, в княжествах Молдавия и Валахия насчитывается около 4 000 000 человек; они, за исключением примерно 50 000 венгерских католиков, принадлежат к греческой, но не к русско-греческой Церкви. В Сербии также 1 000 000 человек придерживаются тех же убеждений и в равной степени питают отвращение к русскому царю-патриарху; Сербия также в течение долгого времени стремилась избавиться от влияния России

и более тесно объединиться со своим законным правителем, султаном. Кроме того, существует 2 400 000 армян-евтихианцев, из которых 40 000 принадлежат к Латинской церкви, а также более 1 000 000 являются римско-католиками и объединенными греками. *Ни один из них не признает Патриархат российского императора.*

Чтобы можно было полностью понять чувства Греческой церкви в Турции по этому вопросу, я цитирую следующий отрывок из обращения, произнесенного архимандритом Суагоудом к румынам (молдо-валахам) в Париже в конце января 1853 года. Повод был таков: Румыны попросили разрешения французского правительства построить часовню в Париже, и заявка была получена с очень уместным вопросом (предполагая, что они принадлежат к той же Церкви, что и Общество мира): “Почему вы не совершаете богослужения в Русской часовне, уже возведенной в Париже?” Вот ответ: “Когда мы выразили желание основать Часовню нашего собственного обряда, нам сказали, что в Париже уже существует русская часовня, и спросили, почему римляне не часто посещают ее. Что? Румыны часто посещают русские места поклонения! Неужели тогда забывается, что они никогда не смогут войти в его стены и что валахи, умирающие в Париже, в свой самый последний час запрещают переносить их тела в московскую часовню и заявляют, что присутствие русского священника было бы оскорблением их могилы? Откуда берется эта непримиримая ненависть? Эта ненависть увековечивается различием языков. Русский язык - славянский, наш - латинский. Есть ли на самом деле хоть один румын, который понимает язык москвичей? Эта ненависть справедлива, ибо разве Россия не наш смертельный враг? Разве она не закрыла наши школы и не лишила нас всякого образования, чтобы погрузить наш народ в пучину варварства и тем легче обратить его в рабство? На эту ненависть я благословляю; ибо Русская Церковь - это раскол, который римляне отвергают; потому что Русская Церковь отделилась от великой Восточной Церкви; потому что Русская Церковь не признает своим главой Константинопольского Патриарха; потому что она не принимает Святого Елеосвящения Византии; потому что она превратилась в Синод, деспотом которого является царь; и потому что этот Синод, повинаясь его приказам, изменил свое богослужение, сфабриковал елеосвящение, которое он называет святым, отменил или изменил дни поста и Великий пост. как установлено нашими епископами; потому что он канонизировал славянских апокрифических святых, таких как Владимир, Ольго и многих других, чьи имена нам неизвестны; потому что обряд исповеди, который был установлен для улучшения состояния и спасения кающихся, стал, из-за раболепия московского духовенства, инструментом шпионов в интересах царя; в конце концов, потому что Синод нарушил закон, и что его реформы произвольны и направлены на достижение целей деспотизма. Поскольку эти акты нечестия столь печально известны, а эти истины столь известны, кто теперь будет утверждать, что Русская Церковь не является раскольнической? Наши Соборы отвергают это, наши каноны запрещают нам признавать это, наша Церковь отрекается от этого; и все, кто придерживается веры и кого она признает своими детьми, обязаны уважать ее решение и считать русский обряд раскольническим обрядом. Таковы мотивы, которые мешают Румынам посещать русскую капеллу в Париже”. (Цитируется по журналу *Блэквуда*, март 1853 г.)

Но даже если бы они были одной веры, одной надежды и признавали то же общее главенство, что и Русская Греческая церковь, по какому праву Россия установила свой протекторат над этими подданными Османской империи? Ниже приведены три статьи Кайнарджийского мирного договора, которые касаются турецко-греческих подданных:—

Статья VII.—*Порта* обещает защищать христианскую религию и ее церкви; и министрам России должно быть разрешено делать заявления в пользу новой церкви, о которой упоминается в 14-й статье.

Статья VIII. Подданным Российской империи будет разрешено посещать город Иерусалим и Святые места; и с них не будет взиматься никаких пошлин или пожертвований ни в Иерусалиме, ни где—либо еще.

“Статья XIV. Российскому суду разрешается, помимо часовни, построенной в доме министра, построить в квартале Галата, на улице, называемой Бей-Оглу, государственную церковь греческого обряда, которая всегда будет находиться под защитой российского министра и защищена от всяких притеснений и поборов”.—(*Синяя книга*, том i, стр. 51.)

В этом договоре говорится настолько ясно, насколько это возможно словами, что *Порта* призвана защищать христианскую религию и ее церкви, и что защита России ограничивается часовней, которая будет построена в квартале Галата, на улице Бей-Оглу: однако по этому договору Россия заявляет о своем праве вмешиваться, оккупировать княжества с целью получения материальных гарантий; и Общество мира соглашается с ее требованием и смягчает ее действия там, где это не может оправдать их.

Опять же, мистер Брайт пишет: “Я ничего не сказал о том факте, что все эти неприятности возникли из—за требований, предъявленных Францией турецкому правительству, и выдвинутых в выражениях более оскорбительных, чем те, которые, как было показано, использовались князем Меншиковым”. - (*Письмо*, стр. 13-14.) Мистер Томпсон, который, по-видимому, сделал это письмо текстом для своих различных разоблачений, повторяет то же обвинение. Давайте внимательно изучим эту часть предмета. Притязания французов основываются на договоре 1740 года, который “подтверждает право латинян на исключительное занятие всех святыниц, которыми они владели в то время. Конференции, недавно открывшиеся здесь, привели к четкому установлению этого права применительно к святым зданиям — их, я полагаю, десять, в количестве, — большинством из которых в настоящее время совместно владеют две общины, а некоторыми исключительно греки. Месье де Лавалетт, вместо того, чтобы доводить свое право до крайности, взял на себя ответственность заявить о своей готовности распространить принципы совместного владения на все число. * * Он (г—н де Лавалетт) действовал во всем умеренно; он был осторожен, чтобы не связывать свое правительство — он не сделал никакого письменного сообщения, кроме своей вступительной записки и таких документов, которые были необходимы для создания совместной следственной комиссии, — и он стремится действовать умеренно до последнего; но в то же время он считает невозможным с честью подчиниться нынешнему плану действий; его правительство, занявшись этим вопросом, не может с какой—либо степенью честности или последовательности остановиться под диктовкой России; национальная партия во Франции, католическая партия там и в других местах будут продолжать действовать. настаивайте на полном утверждении прав по договору - и, что касается его самого, он скорее уйдет в отставку, чем станет орудием, каким, по его мнению, он мог бы стать в предполагаемом случае унижения своей страны; более того, если бы это зависело от него, он без колебаний использовал бы огромные военно-морские силы, которыми Франция сейчас обладает в Средиземном море, и, блокировав Дарданеллы, немедленно разрешил бы обсуждаемый вопрос”. - (*Сэр Стратфорд Каннинг виконту Пальмерстону, 4 ноября 1851 г.*) ; *Синяя книга*, том i, стр. 19.)

Эти требования были поддержаны полномочными представителями всех католических держав. Англия смотрела на это без какого-либо личного интереса к самому вопросу; Порты была встревожена, поскольку Россия через г-на де Титова громко требовала сохранения *статус-кво* и угрожала покинуть Константинополь, если это будет нарушено. Но этот *статус-кво* означал его интерпретацию Россией - означало, что Россия была полностью признана Защитницей греков, на что, как мы видели, она решительно претендовала по Хайнарджийскому договору; *статус-кво*, которого желала Франция, был просто восстановлением прав, которым латиняне позволили приостановиться, и которые, в некоторой степени, были приобретены греками.....

Я не утверждаю здесь, насколько незначительными кажутся нам причины, приведшие к этим требованиям, потому что мы не можем оценить всю эту шумиху, поднятую по поводу обладания одним-двумя ключами, строительства купола и водружения серебряной звезды; но для латинян такие вопросы имеют огромное значение; и с политической точки зрения они служили показателями для измерения влияния, которое французы и русские оказывали на Востоке. Я перехожу к официальным документам, описывающим развитие этой ссоры. Полковник Роуз в письме графу Малмсбери от 20 ноября 1852 г. пишет:—

“Появилась более серьезная причина разногласий, чем большие врата Вифлеемской церкви, и она превзошла их.

“Порта под влиянием угроз Франции и России передала французскому посольству ноту от 9 февраля и фирман Февриера грекам.

“Российское правительство считает Фирман Хартией прав Элладской церкви. Президент и месье де Лавалетт считают это оскорблением Франции, поскольку в нем ее претензии, основанные на Договоре 1740 года, описываются как “хаксиг”, несправедливые, и устанавливается *статус-кво*, который полностью аннулирует этот Договор. Месье де Лавалетт сказал мне, что Порта пообещала месье Сабатье, что это не будет прочитано в Иерусалиме.

“Г—н Д'Озеров сообщает Порте, что Фирман должен быть зачитан в Иерусалиме; он заявляет, что, если он не будет зачитан, согласно обычаю, в Меджлисе в Иерусалиме, перед пашей, кади, членами Совета, Патриархами различных сект, он потеряет ценность и станет мертвой буквой, и, следовательно, вера в Россию будет нарушена”. - (*Синяя книга*, том i, стр. 46.)

Это раздражительное положение вещей приняло более дружелюбный характер к 4 декабря 1852 года: в письме, датированном этой датой, полковник Роуз говорит:

“Месье де Лавалетт теперь говорит, что ничто не может быть более приятным и любезным (plus doux et plus aimable), чем он с Портой. Я смиренно и уважительно требую своего права. (Je demande humblement et respectueusement mon droit). М. д'Озерофф также говорит, что, хотя он признал, что в прошлом году было сделано заявление о том, что Российская дипломатическая миссия при определенных обстоятельствах покинет Константинополь, все же он не мог припомнить, чтобы он говорил о том, что Дипломатическая миссия покидает его из—за нынешних причин разногласий с Портой”. - (*Синяя книга*, том i, стр. 49-50.)

В то время как вопрос о Святых местах, таким образом, тянулся своим утомительным путем, российский император отдавал приказ войскам стягиваться к границам Дунайских провинций. 4 января 1853 года сэр Г. Х. Сеймур пишет лорду Джону Расселу, что “5-му армейскому корпусу был отправлен приказ наступать к границам Дунайских провинций, *не дожидаясь своих резервов*; и 4-му корпусу, находящемуся под командованием генерала графа Данненберга, который сейчас расквартирован на Волыни, будет приказано оставаться в готовности к маршу в случае необходимости. Каждый из этих корпусов состоит из двадцати четырех полков, и, как известно вашей светлости, каждый русский полк состоит из трех батальонов (каждый численностью около 1000 человек), из которых один батальон образует резерв. Соответственно, армейский корпус генерала Людера, численностью в 48 000 человек, получит подкрепление в 24 000 человек вскоре после прибытия к месту назначения, и, если предположить, что 4-й корпус последует за ним, все силы составят, по крайней мере, согласно официальным отчетам, 144 000 человек”. —(Синяя книга, том i, стр. 56)

28 января 1853 года полковник Роуз говорит: “И французские, и российские представители проявляют сейчас похвальную умеренность в вопросе о Святых местах”. —(Синяя книга, том i, стр. 79.)

И теперь в этой странной драме происходят новые события. Три великие державы — Англия, Франция и Россия — смещают своих послов и назначают новых. Англия послала виконта Стратфорда де Редклиффа, Франция - месье де ла Кура, а Россия - печально известного князя Меншикова. Первым поступком русского офицера было оскорбление Порты — оскорбление, совершенное намеренно и сразу указывающее как на характер миссии, так и на человека, назначенного для ее выполнения. Полковник Роуз пишет лорду Джону Расселу 3 марта 1853 г.: “Неприятная сенсация была вызвана здесь следующим инцидентом, произошедшим вчера: князь Меншиков нанес свой официальный визит великому визирю в Порту, но намеренно не нанес его Фуаду Эфенди, который был готов принять его”. — (Синяя книга, том i, стр. 85.)

В другом донесении, датированном 7 марта 1853 года, есть следующие отрывки:

“Обстоятельства, связанные с миссией князя Меншикова, постепенно выясняются и вызывают серьезные опасения за независимость, если не судьбу, Турции. * * К сожалению, первый публичный поступок князя Меншикова продемонстрировал *полное пренебрежение, с его стороны, достоинством и правами султана, что, в сочетании с враждебным отношением России, создало впечатление, что принуждение, а не примирительные переговоры, отличало миссию его превосходительства.*”

И далее, говоря об оскорблении, нанесенном Фуаду Эфенди, он говорит:

“Оскорбление было тем более обидным, что были сделаны большие приготовления к приему российского посла с заметными почестями, и большое количество людей, особенно греков, собрались с целью присутствовать на церемонии. Этот инцидент произвел большую и болезненную сенсацию. Великий визирь выразил мне свое возмущение преднамеренным оскорблением, нанесенным его Государю, и раздражение султана было чрезмерным. Месье Бенедетти и я сразу поняли всю подоплеку и намерение этого оскорбления. Князь Меншиков *хотел с самого начала оказать устрашающее или командное влияние—показать, что любой человек, даже член Кабинета министров, который оскорбил Россию, будет унижен и наказан, даже при дворе султана, и без*

предварительного уведомления Его Величества. Князь Меншиков хотел убрать умнейшего человека из министерства, унижить его, расстроить его и установить на его месте Министерство, благоприятствующее его взглядам. Если бы этот маневр удался, результатом, вероятно, стал бы второй договор, подобный договору Ункiera Скеlessи, или что-нибудь похуже.”—(Синяя книга, том i, стр. 86-7).

Таково было начало миссии этого человека, умеренность которого англичане были сочтены достаточно предвзятыми, чтобы хвалить. Не может быть сомнений и в отношении намерений России. В то время как ее посол оскорблял Порту на глазах собравшегося народа, велись активные приготовления к сосредоточению войск в Дунайских провинциях. Наш вице-консул Чарльз Каннингем в письме из Галаца от 25 февраля 1853 года, почти за два месяца до прибытия принца Меншикова в Константинополь, пишет: “В течение нескольких месяцев ходили слухи, что в Бессарабии собраны крупные русские силы и даже что эти провинции собираются оккупировать. Исходя из полученной мною информации, я считаю несомненным, что жители Бессарабии в районах вокруг Измаила и Рени получили приказ подготовить помещения для 60 000 военнослужащих”. — (Синяя книга, том i, стр. 90). Французский консул в Яссах подтверждает это заявление. Он говорит: “Все лица и письма, приходящие из Бессарабии, сходятся в том, что там ведутся очень серьезные приготовления к войне (в соответствии с ужасным фактом подготовки к войне). Огромные запасы сухарей уже заготовлены, и войска получили приказ оставаться в готовности выступить по первому сигналу” (Синяя книга, том i, стр. 92). И все же, несмотря на всю эту военную подготовку, Россия все еще продолжала говорить о своих “мирных намерениях— - о своем “желании сохранить независимость и целостность Османской империи” - о своем “глубоком уважении и дружеских чувствах к Его Величеству султану”. Она доказала правдивость своих слов, отправив посла оскорблять и сосредоточив войска, чтобы внушить благоговейный страх своему дорогому другу султану, права которого, более чем свои собственные, она лицемерно провозгласила великой целью, к которой стремилась.

Эта концентрация войск на границе, связанная с поведением князя Меншикова в столице, естественно, вызвала подозрение и призвала к бдительности другие державы. Как сказал сэр Г. Х. Сеймур российскому канцлеру: “Если присутствие русской армии на границах княжеств, вероятно, вызовет опасения иностранных правительств, какой эффект это, по расчетам, произведет на Порту?” (Синяя книга, том i, стр. 58.) Этот эффект был хорошо просчитан Россией. Она надеялась посеять страх, недовольство, беспорядки и кровопролитие, посреди которых она могла бы выступить в качестве защитницы, продолжить свою старую и хорошо усвоенную тактику и в конечном итоге присвоить себе колоссальные территории — большую часть, приобретенную обманом или войной. Это был ее старый план. Мир был почти равнодушным зрителем ее обычая более шестидесяти лет. Теперь она начала с Турции, как начала с Польши, Финляндии, Курляндии, Грузии, Бессарабии и во всех других странах, которых жаждали ее ненасытная жадность и честолубие. Ее процесс “почти сведен к обычной формуле. Он неизменно начинается с дезорганизации посредством коррупции и тайной агентуры, доведенной до уровня беспорядков и гражданских раздоров. Следующей по порядку идет военная оккупация с целью восстановления спокойствия; и в каждом случае результатом была Защита, за которой следовала Инкорпорация”. [9] Но я предвижу.

Сюжет развивается по мере развития событий. Из сообщения М. Пизани полковнику Роузу от 19 марта 1853 г. явствует, что он “получил информацию из надежных источников о том, что это

умеренное поведение российского посла рассчитано на то, чтобы побудить Порту согласиться на заключение *секретного договора*". — (*Синяя книга*, том i, стр. 107.) Опять же, полковник Роуз говорит 25 марта 1853 года: "Великий визирь также информирует меня, что в предполагаемом договоре есть пункт, который может быть истолкован Россией как защита турецкой греческой церкви". — (*Синяя книга*, том i, стр. 107-8.) Однако Партия мира сообщает нам, что Россия не просила и не требовала ничего, кроме сохранения *статус-кво*; и, как мы видели из статей Кайнарджийского мирного договора, такая защита не являлась частью *статус-кво*.

Во время всех этих странных разбирательств и среди всех этих противоречивых целей князь Меншиков, верный своей российской политике, хранил молчание относительно главной цели своей миссии. Он даже "попытался добиться обещания от Рифаат-паши, *прежде чем тот сообщит ему о характере своей миссии и своих требований, что Порта даст официальное обещание, что она не раскроет их британским или французским представителям*. Рифаат—паша отказался, и князь Меншиков заявил, что, если цель его миссии не будет решена в кратчайшие сроки, *он должен покинуть Константинополь*; но он изменил это заявление, сказав, что он не имел в виду, что его отставка станет сигналом к войне". (*Синяя книга*, том i, стр. 109.)

Чтобы не было допущено ошибки относительно цели миссии князя Менчикова, я цитирую из записки мсье Дориа полковнику Розе от 1 апреля 1853 года следующий отрывок:

"Князь Меншиков устно выразил желание императора заключить секретный договор с Турцией, *предоставив в ее распоряжение флот и 400 000 человек, если ей когда-нибудь понадобится помощь против какой бы то ни было западной державы*. Что Россия далее тайно потребовала дополнения к Кайнарджийскому мирному договору, согласно которому греческая церковь должна быть *полностью под защитой России, без привязки к Турции*, что должно было быть эквивалентом вышеупомянутой предложенной помощи". — (*Синяя книга*, том i, стр. 112.)

В то время как это вмешательство в права Османской Порты систематически проводилось в Константинополе, Россия была активно задействована в том же коварном курсе в Сербии. Лорд Кларендон сообщает лорду Стратфорду де Редклиффу, 18 апреля 1853 года, что...

"Князь Сербии уволил М. Гарацанина со службы *по настоятельному требованию князя Меншикова*, и что впоследствии российский консул в Белграде в угрожающих выражениях потребовал отстранения от должности нескольких других официальных лиц. Это вмешательство во внутреннее управление провинции вызвало большое недовольство среди сербского народа; и вашему превосходительству поручено сообщить князю Меншикову, что, по мнению правительства Ее Величества, упорство в этом направлении приведет к пагубным результатам". — (*Синяя книга*, том i, стр. 122.)

Может ли какой-либо здравомыслящий человек сомневаться в объекте всего этого вмешательства, цели всех этих угроз и цели всего этого дипломатического травли и интриг? Первоначальные причины, указанные Россией для такого вмешательства, были устранены; и, как сказал полковник Роуз князю Менчикову, "отзыв мсье де Лавалетта и отставка Фуада Эфенди должны рассматриваться как удовлетворительное возмещение ущерба; что Черногория была эвакуирована; что, короче говоря, ни одной из причин, на которые Россия

ссылалась как на причины враждебного отношения, больше не существовало”. — (том i, стр. 122.)

К 6 мая 1853 года вопрос о Святых местах был решен, как к удовлетворению г—на де ла Кура, так и князя Менчикова; когда, получив новые инструкции из России, князь Менчиков направил Порте решительное сообщение, по поводу которого сэр Стратфорд де Редклифф говорит:

“это должно показаться Порте тем более тревожным, что это произошло сразу после получения его Превосходительством *фирмана и официальной ноты, которые не далее как вчера завершили с его согласия рассмотрение вопроса о Святых местах*. Более того, это сообщение является императивным в установлении очень короткой отсрочки для окончательного ответа Порты; и оно включает российскую *вербальную ноту* от 19-го ультиматума в ее более формальном выражении требований России. Оно настаивает на некоторых необъяснимых дополнениях к урегулированию иерусалимского вопроса, но мало приемлемых для Франции; и хотя в некоторой степени смягченных по сравнению с первоначальными масштабами, требует под названием ‘гарантии’ уступки, опасный характер которой не ускользнет от внимания вашей светлости”. - (Т. i, стр. 164.) Слова принца Менчикова таковы: “Посол просит его Превосходительство Рифаат-пашу быть настолько любезным, чтобы предоставить ему этот ответ к следующему вторнику, 10 мая. Он не может рассматривать более длительную задержку ни в каком ином свете, кроме как как неуважение к своему правительству, которое возложило бы на него самую тягостную обязанность”(Т. i, стр. 167).

Теперь мы подошли к той точке настоящего обсуждения, на которой можем сделать паузу и подвести итог. Из отрывков, процитированных из различных депеш разных послов, явствует, что, хотя французы были первыми, кто затронул вопрос о Святых местах, спор, насколько это касалось их, был теперь удовлетворительно и мирно урегулирован. То, что они могли быть виноваты в первую очередь, вряд ли влияет на последующее развитие планов и проектов России. Г-н де ла Кур был удовлетворен, князь Меншиков был или сказал, что он был удовлетворен, французское правительство уполномочило г-жу де ла Кур “заявить, что в отношении вопроса о Святых местах” она была “удовлетворена. Нынешнее соглашение - это соглашение, достигнутое мсье де Лавалеттом, и Франции, следовательно, нечего сказать против него. Мсье де ла Куру не предписывается ни протестовать, ни делать оговорки”. — (Синяя книга, том i, стр. 175.) И все же именно этот момент внешне дружественного соглашения выбран Россией для предъявления других требований и требования других привилегий; именно тогда Россия направила свой ультиматум, и попыталась осуществить власть фактического суверена над 11 000 000 турецких подданных, подавляющее большинство из которых ничего так не боятся, как осуществления такой власти, и которые показали в ходе нынешнего противостояния, насколько серьезно они отвергают предположения российского императора. В Сербии “подавляющее большинство патриотично настроено и желает исключить любое постороннее вмешательство в их дела. Они довольны своим нынешним положением и связью с Турцией, которая укрепляется, не раздражая их”. [11a]Так же обстоит дело и с другими провинциями, на которые Россия стремится распространить страшную силу своей защиты. Ее защита - это деградация, принижение достоинства и угнетение. У нее нет угрызений совести, ибо она боготворит политику. Прибегают ко всему, что может способствовать развитию этой политики, будь то ложь, интриги, мятежи, грабежи, нарушение Международных договоров или даже убийства. Ничто не пугает ее— ничто не уводит в сторону. Получив отказ, она выжидает, а

затем предпринимает еще одну попытку, за которой последует еще одна, и еще, и еще, если это необходимо для достижения ее цели. Она говорит о своей добросовестности в тот самый момент, когда нарушает какой-то торжественно заключенный контракт; она взывает к личности и помощи Всемогущего Бога во всех своих начинаниях, хотя бы самых черных и низменных. Хорошо сказано, что “вера, с которой она действовала, проявилась в восстаниях, которые она спровоцировала и поддерживала во многих турецких провинциях, в то время как она была в мире с султаном и исповедовала самую теплую дружбу. *Добросовестность* России - это то, что она демонстрирует не менее чем в двадцати одной школе Болгарии, где русские из Киева — Мекки московитов - учат детей, которые все являются турецкими подданными, ненависти к султану как части их религиозного воспитания и подчинению царю как необходимому для их вечного спасения”. [11b] Такова ее защита — такой она была всегда; и таким коварным поведением она каждый год увеличивает или готовится к будущему увеличению своего имущества, нажитого нечестным путем. Но нам говорят, что “очаг войны находится в 3000 милях от нас. На нас не напали — даже не оскорбили никоим образом;” [11c] и, следовательно, мы не должны были иметь никакого отношения к ссоре. Неважно, что существующие договоры между нами и Турцией провозглашают, что мы должны вмешаться; неважно, что будущая безопасность и честь Европы — возможно, и самой Англии — зависели от курса, который мы выбрали в этом вопросе; неважно, что право, справедливость и истина были на стороне Турции; и неважно, что неправда, наглость и неоправданная агрессия со стороны России; “очаг войны находится в 3000 милях от нас” и — мы не имели никакого отношения к ссоре. К счастью, правительство и народ по-другому посмотрели на этот вопрос и выступили против великого врага.

Князь Меншиков покинул Константинополь 23 мая 1853 года. У мистера Брайта есть следующий любопытный отрывок: “Если бы не английский посланник в Константинополе и Кабинет министров дома, спор разрешился бы сам собой, и последняя нота князя Меншикова была бы принята; и ни один человек не может указать на какую-либо существенную разницу между этой нотой и венской нотой, впоследствии согласованной и рекомендованной правительствами Англии, Франции, Австрии и Пруссии. Но наше правительство не допустило бы урегулирования спора”. Было бы трудно выбрать какой-либо отрывок во всей английской литературе подобной длины, содержащий столько софизмов, как этот. Нота князя Меншикова была настолько идентична венской ноте, что Порта отклонила обе. И вместо того, чтобы английский посол воспрепятствовал мирному урегулированию вопроса, он, действуя по инструкциям из дома, применил все средства, за исключением трусости и бесчестия, для сохранения мира. Отрывок за отрывком можно было бы выбирать из “Синей книги”, из депеш лорда Пальмерстона, графа Малмсбери, лорда Джона Рассела, графа Кларендона, из писем полковника Роуза и лорда Стратфорда де Редклиффа, иллюстрирующих это заявление; и поскольку султану было рекомендовано не соглашаться на требование, которое подорвало бы его власть над 11 000 000 его подданных, Англия обвиняется в том, что не позволила урегулировать спор; и поскольку венская нота лишь подтвердила *ультиматум* Меншикова, эта попытка предъявить мир постигла та же участь, что и другие; тем не менее именно Англия помешала разрешению спора. Ибо нам говорят, что “князь Меншиков в своей записке от 21 мая, которая произвела глубокое впечатление на всю Европу, заявил, что он преследовал не только религиозные объекты” (*Голубая книга*, том i, стр. 268). Россия теперь следовала своим обычным курсом. 26 июня 1853 года она издала Манифест; копия этого манифеста была опубликована в “St. Петербургский вестник”, — и этот Манифест существенно отличался от

Манифеста, обращенного к русскому народу. “Значительная сенсация, - говорит сэр Г. Х. Сеймур, - была вызвана среди иностранных представительств в Санкт-Петербурге большими различиями, наблюдаемыми в ”Русском манифесте“, опубликованном в его первоначальном виде, то есть адресованном русскому народу, и в официальном французском переводе, предназначенном для более широкого распространения в ”Санкт-Петербургском журнале“”.

Самым ярким словом в оригинале было “вероломство” применительно к султану, эпитет, который правительственный переводчик, по-видимому, пожелал опустить.

Мне нет нужды замечать, что подавление рассчитано на то, чтобы создать ошибочное общее впечатление о силе того призыва, который Императорское правительство сочло необходимым обратить к предрассудкам — ибо в данном случае я не буду говорить о мнениях — русского народа.—(Синяя книга, том i, стр. 340.) Этот манифест содержал следующий отрывок: “Исчерпав все средства убеждения, а вместе с ними и все средства мирного удовлетворения наших справедливых требований, мы сочли необходимым продвинуть наши армии в Дунайские княжества, чтобы показать Оттоманской Порте, к чему может привести ее упрямство.” [12]—(Синяя книга, том i, стр. 323.) Конечно, это никогда не означало войны — конечно, эти действия были законными последствиями продолжающегося утверждения императором своего стремления к миру и его намерений сохранить целостность Османской империи. Этот мирный курс был предпринят только с целью получения “материальной гарантии” и не был поводом к войне. Западные державы были настолько глупы, что рассматривали это; и Турцию убедили не объявлять войну, когда она произошла, потому что та самая держава, которая, по словам м-ра Брайта, была причиной того, что ссора не могла быть разрешена мирным путем, еще не оставила надежды на свою способность обеспечить мир. Русские пересекли Прут, выпустили свой манифест, выдержанный в стереотипном стиле всех манифестов, которые при аналогичных обстоятельствах она издавала в течение последних шестидесяти лет, — изданный для того, чтобы обмануть Европу, а не как показатель ее поведения. Это манифест:—

“Жители Молдавии и Валахии! Его Величество император России, мой августейший повелитель приказал мне занять вашу территорию армейским корпусом, командование которым он изволил доверить мне.

“Мы прибыли к вам не с планами завоевания и не с намерением изменить институты, которыми вы управляете, или политическую ситуацию, гарантированную вам торжественными договорами.

“Временная оккупация княжеств, которую мне поручено осуществить, не имеет иной цели, кроме как немедленная и эффективная защита в непредвиденных и разорительных обстоятельствах, при которых османское правительство, игнорируя многочисленные доказательства искреннего союза, которые Императорский двор с момента заключения Адрианопольского мирного договора никогда не переставал ему предоставлять, отвечает на наши самые справедливые предложения отказами, на наши самые бескорыстные советы самым оскорбительным недоверием.

“В своем долголетии, в своем постоянном желании поддерживать мир как на Востоке, так и в Европе, император будет избегать участия в наступательной войне против Турции до тех пор, пока его достоинство и интересы его Империи будут позволять ему это делать.

“В тот самый день, когда он получит причитающееся ему возмещение и гарантии, которые он имеет право требовать на будущее, его войска войдут в пределы России.

“Жители Молдавии и Валахии! Я также выполняю приказ Его Императорского Величества, заявляя вам, что присутствие его войск в вашей стране не повлечет за собой для вас ни новых сборов, ни контрибуций; что поставки провизии будут оплачены нашими военными кассами в подходящее время и по ставке, заранее установленной по согласованию с вашими правительствами.

“Смотрите на то, что вас ожидает, без беспокойства; спокойно занимайтесь своими сельскохозяйственными работами и коммерческими спекуляциями; повинуйтесь законам, которые управляют вами, и официальным властям. Добросовестно выполняя эти обязанности, вы получите наилучшие права на щедрую заботу и могущественную защиту Его Величества Императора”. — (*Синяя книга*, том i, стр. 348-9)

Это обычный ход русских вторжений. Она грабительским путем захватывает территорию и говорит людям, что если они будут тихими и послушными, то получают “великодушную заботу” имперского грабителя. Все ее воззвания сходны с этим по словам, идентичны по цели и соблюдаются с одинаковым высшим безразличием. Для сведения читателя я процитирую отрывок из прокламации, опубликованной в 1808 году после вторжения в Финляндию; будет видно, что она написана в том же духе и была выполнена с той же точностью: “С величайшим сожалением его Величество Император Российский и др. считает себя вынужденным направить в вашу страну войска по моему приказу. Эти мотивы, а также уважение, которым его императорское величество обязан безопасности своих собственных государств, обязывают его поставить вашу страну *под свою защиту* и вступить во владение ею, чтобы обеспечить этими средствами *достаточную гарантию* на случай, если его шведское величество будет упорствовать в своем решении не принимать справедливые условия мира, которые были ему предложены. * * Его императорскому величеству угодно, чтобы все дела страны шли своим обычным чередом в соответствии с вашими законами и обычаями, которые будут оставаться в силе до тех пор, пока войска его императорского Величества будут вынуждены оккупировать страну. Гражданские и военные чиновники утверждаются на своих соответствующих должностях, всегда за исключением тех, кто может использовать свою власть для введения людей в заблуждение и побуждения их принимать меры, противоречащие их интересам. Все, что необходимо для содержания и питания войск, будет оплачено наличными деньгами на месте. Все продукты питания будут оплачены в соответствии с мирным соглашением между нашими комиссарами и комиссарами страны”. Отрывок из письма короля Швеции покажет, как выполняются эти обещания. Он говорит: “Честь и человечность требуют, чтобы я решительно выступил против бесчисленных ужасов и досад, которые русские войска позволили себе в шведской Финляндии. Кровь невинных жертв вызывает к отмщению тем, кто санкционировал подобные жестокости. * * * Может ли быть преступлением для моих финских подданных то, что они не пожелали позволить соблазнить себя обещаниями, которые столь же ошибочны, сколь ошибочны принципы, на которых они основаны? Достойно ли Государя объявлять это в них преступлением? Я заклинаю ваше Императорское Величество положить конец бедствиям и ужасам войны, которые должны были бы навлечь на вашу личность и вашу империю проклятие Божественного Провидения”. [14] Мы знаем, что защита Финляндии закончилась Присоединением, и, если бы не славная храбрость турок при Олтенице, Цитате и Силистрии, а также вмешательство союзников, такова была бы, без сомнения, судьба княжеств. Применялась та же тактика, применялись те же репрессии, следовали те же курсы.

Россия приказала платить налоги своему генералу; потребовала повиновения от хоспадов и службы от народа; запретила им общаться с султаном, их законным правителем. Этот общий приказ покажет, какого рода защиту она осуществляла: “Приказано первым. Что все мужчины в возрасте от восемнадцати до сорока лет, женатые или неженатые, и независимо от их профессии, обязаны генералами, полковниками и командирами корпусов проходить службу в российской армии. 2. Что лошади, повозки, быки и другие вьючные животные могут потребоваться для той же службы. И, 3. Что все лодки, барки или поплавки, находящиеся сейчас на Дунае, в настоящий момент конфискованы для службы в российской армии. Настоящий указ распространяется на всех подданных Валахии. Те, кто попытается уклониться от его исполнения, должны *предстать перед военным трибуналом*. Такова российская защита.

Теперь мы переходим к периоду действия знаменитой венской ноты, которую, как говорит мистер Брайт, “Россия приняла сразу — приняла, я полагаю, по телеграфу, еще до того, как точные слова этой ноты были получены в Санкт-Петербурге. Все думали, что вопрос теперь решен. Член Кабинета министров сказал мне, что мы больше никогда не услышим об этом ни слова; ‘Всему этому пришел конец’, - сказал он, и так показалось на мгновение. Но турок отказался от ноты, которая была составлена его собственными арбитрами и которую приняла Россия”. Никто не удивится, что турок отвергнет эту ноту, когда прочтет оригинальные слова ноты и сравнит их с предложенными поправками османского правительства:

Слова из оригинальной заметки.

Если императоры России всегда проявляли активную заботу о *сохранении иммунитетов и привилегий православной Греческой церкви в Османской империи*, то султаны никогда больше не отказывались *подтвердить их* торжественными актами, свидетельствующими об их древней и постоянной благосклонности к своим христианским подданным.

Его Величество султан останется верен *букве и духу Кайнарджийского и Адрианопольского договоров, касающихся защиты христианской религии*, * * * и, более того, в духе высшей справедливости, чтобы греческий обряд разделял преимущества, *предоставленные другим христианским обрядам по Соглашению или специальной договоренности*.

Примечание с поправками.

Если императоры России всегда проявляли свою активную заботу о *религии и православной Греческой церкви*, султаны никогда не переставали обеспечивать *сохранение привилегий и иммунитетов, которые в разное время они спонтанно предоставляли этой религии и этой Церкви в Османской империи*, и *подтверждать их*.

Его Величество султан останется верен *положениям Кайнарджийского мирного договора, подтвержденным Адрианопольским договором относительно защиты Блистательной Портой христианской религии*, и, кроме того, ему поручено *довести до сведения*, * * * и, более того, в духе высшей справедливости, добиться того, чтобы греческий обряд *разделил преимущества, предоставленные, или которые могли бы быть предоставлены, другим христианским общинам, османским подданным*.

Интеллект, который не может увидеть разницу — существенную разницу — между этими словами, так или иначе, должен быть очень далек от здоровья. Три великие державы признали справедливость изменений, и г-н Друэн де Люи, хотя и “сожалеет о внесении каких-либо изменений в венскую ноту, безусловно, считает их к лучшему”.—(*Синяя книга*, том ii., стр. 85.) Российский император отказался принять эти изменения; и хотя Франция и Англия, все еще желавшие мира, посоветовали туркам не объявлять войну России, удивительно ли, что она это сделала? Удивительно, что она так долго терпела, когда у нее были связаны руки, учитывая, что враг находился на ее территории и осуществлял все полномочия военного правительства над своими подданными. Поскольку Турция отклонила первую ноту, а Россия - измененную, мистер Брайт имеет наглость заявить нам, что “туркам следовало помешать начать войну, *или им следовало позволить начать войну на их собственный страх и риск*”. Ни в коем случае не поддаваясь временному возбуждению, турки прибегли к этому последнему средству наций. Она созвала совет из своих самых мудрых, серьезных и лучших людей, а затем, после зрелых размышлений, объявила войну. “Решения были единогласными. На собрании присутствовало более ста человек”.—(*Синяя книга*, том ii., стр. 130.)

Такова история той борьбы, которая в настоящее время ведется между Англией, Францией, Турцией и Россией. Я попытался изложить весь вопрос без предубеждения или страсти. Глубоко веря в справедливость войны, я стремился разобраться во всех ее аспектах и таким образом сформулировать результат, к которому следует апеллировать только в качестве судьи. Я высказал мало собственных мнений, предпочитая цитировать официальные документы, чтобы читатель мог иметь в своем распоряжении авторитетные документы и таким образом иметь возможность сравнить их с искаженными выдержками, которые были сделаны из этих очень интересных Синих книг о Святых местах. Все развитие вопроса показывает, что Россия ведет свою старую игру; игру, в которую она беспрестанно играла со времен Петра I. Игру, с помощью которой она более чем удвоила свою первоначальную империю; игру, которая привела к ее нечестивому правлению Польшей, Финляндией, Крымом, Грузией, Бессарабией и столькими другими провинциями, которые она отняла у своих соседей. “В течение ста шестидесяти лет Россиянеуклонно держала в поле зрения объекты честолюбия на Востоке, впервые намеченные Петром I и завещанные им своим преемникам. Они заключались в том, чтобы возвысить Россию на руинах Турции, получить исключительное владение Каспийским и Черным морями с Босфором и Дарданеллами, расширить свои владения за пределы Кавказа, установить господство в Персии с целью открыть дорогу в Индию; и история, возможно, не дает другого примера равного упорства в проведении, *per fas u nefas*, заранее определенного курса на расширение. Ее корона часто переходила путем открытого насилия или тайного преступления от одного главы или одной семьи к другой, но каждый последующий монарх, почти без исключения, добивался определенного прогресса в достижении этих целей, и она продолжает добиваться их с неослабевающей алчностью”.[16a] И все же, имея эти факты перед глазами и подкрепляя свои мысли цитатой из лорда Пальмерстона, который говорит именно то, что соответствует его целям в данный момент, мистер Брайт заявляет, что “Опасность, исходящая от российской державы, была призрачной”. Любой мог бы предположить из таких заявлений, что люди читают историю с искаженным пониманием из-за какой-то странной галлюцинации, которая помешала им извлечь пользу из ее уроков. Российская агрессивная сила - фантом! Почему вся ее современная история - это один непрерывный отчет об агрессиях, совершенных против иностранных государств, и сейчас она, как никогда, желает увеличить свои владения.

Покойный император едва сдержался, когда его сын Александр II попросил “Провидение, которое избрало нас для столь высокого призвания, быть нашим проводником и защитником, чтобы мы могли поддерживать Россию на высочайшем уровне могущества и славы и в нашем лице осуществить непрекращающиеся желания и цели Петра, Екатерины, Александра и нашего отца”. Одним из этих непрекращающихся желаний и целей является овладение Константинополем, Босфором и Дарданеллами.

Чтобы показать природу российской политики и ее неизменный метод ее проведения, я выбираю несколько примеров ее агрессии. Хороший том можно было бы заполнить такими нарушениями всех прав, естественных и божественных: — От Швеции она получила Финляндию в 1809 году; львиная доля Польши досталась ей после трех роковых разделов 1772, 1793 и 1795 годов, а в 1815 году к ней была присоединена Варшава; от Персии она отняла Грузию в 1814 году; а Турция потеряла Крым в 1784 году и Бессарабию в 1812 году. Теперь я кратко описываю масштабы ее приобретений, которые доказывают, что за последние шестьдесят четыре года она приобрела территории, равные по размаху и важности всей империи, которой она владела в Европе до того времени. У Швеции она украла больше, чем то, что сейчас осталось от этого королевства; то, что она выиграла у Польши, почти равно всей австрийской империи; от Турции в Европе ее выигрыш больше, чем прусские владения, за исключением Рейнских провинций; а от Турции в Азии он почти равен всем меньшим государствам Германии. У Персии были разграблены владения, равные Англии; а из Татарики она украла владения, не уступающие турецким, в Европе, Греции, Италии и Испании.^[16b] Несомненно, это достаточное доказательство ее агрессивной политики, а также достаточное доказательство того, что ее власть - не просто призрак.

Мистер Брайт, должно быть, никогда не читал русскую историю, иначе он вряд ли написал бы фразу о том, что мы ведем войну за “поддержании самой аморальной и грязной из всех деспотий над одним из прекраснейших уголков земли, который она опустошила, и над населением, которое она деградировала, но не смогла уничтожить”. Каким бы ужасным ни был турецкий деспотизм, его бессильное пламя должно меркнуть перед российским; ужасы, совершенные Петром и Екатериной, религиозные преследования Николая, судьба минских монахинь, массовое убийство тысяч не сопротивляющихся и беспомощных жертв, которые повсюду оскверняют ее летописи. О ее ужасных преступлениях, слишком отвратительных, чтобы их можно было назвать; о ее крепостном населении, о ее деградировавшем духовенстве, виновном во всех чудовищах, на которые способна человеческая природа, мне нет нужды здесь распространяться. С тех дней, когда Петр приказал убить своего собственного сына, вырезал своих людей, перебил стрельцов, а на банкете, который он давал прусскому послу Принцу, приказал привести в комнату двадцать этих несчастных и там обезглавить; и когда каждая голова падала, он осушал бокал, желая, чтобы его гость сделал то же самое; с тех дней, когда ее генералы Потемкин и Суваров по приказу Екатерины хладнокровно вырезали в Крыму “тридцать тысяч татар обоюбого пола и всех возрастов”, вплоть до конца XIX века. Прошлогодние ужасы Синопы, ее политика, ее дух, ее цели не претерпели никаких изменений. И это печальная оговорка, как недавно было сказано защитником Общества мира, что Секретная переписка не содержит ни единого слова, угрожающего или намекающего на угрозу активной агрессии со стороны России против “больного человека”. Россия никогда не *говорит* об активной агрессии, но всегда о мире и всегда стремится к величию. Ее курс хорошо обрисован ее собственным историком Карамзиным, и он говорит: “Целью и характером нашей военной политики неизменно было *стремление быть в мире со всеми, и совершать завоевания без войны*;

всегда держать оборону, не полагаясь на дружбу тех, чьи интересы не совпадают с нашими собственными, и не упускать возможности нанести ущерб, не нарушая якобы наших договоров с ними". Таков моральный кодекс нации, апологеты которой таких немало в свободной и нравственной Англии!

Император сообщает Европе, и мистер Брайт поддерживает его, что "Англия и Франция встали на сторону врагов христианства против России, борющихся за православную веру". Теперь, если справедливость на стороне турок, и я верю, что было представлено достаточно доказательств, подтверждающих это, как мы можем воевать против христианства, поддерживая их? Разве справедливость не является самой основой любой религии? Это основа и единственно верный фундамент самого милосердия, без которого говорить о религии - просто праздность. Но царь и мистер Брайт воспользовались простым фактом, что русские *исповедуют* христианство, а турки - мусульмане, чтобы сообщить миру, что мы ведем битву неверных против правоверных. Мы не будем останавливаться здесь, чтобы показать, что это за христианство, которое Император провозглашает единственной православной верой и для распространения и утверждения которого Россия была избрана Божественным Провидением. Это вовсе не религиозная война. Это просто политическая война. Но даже если бы это была религиозная война — приняв чью сторону в этой ссоре, мы могли бы наилучшим образом помочь делу религии? "Что ж, - говорит член прусского сената, - то *неправильное* что делала Россия, не было *исправлено* религиозными соображениями, которые она выдвигала в качестве предлога для своей политики. Это правда, что вопрос имел религиозный подтекст; вся земля должна была в конечном итоге быть обращена в христианство; но это провиденциальное будущее развитие мира не позволит какой-либо одной светской власти объявлять себя исполнителем Божественной воли, и это не могло соответствовать этому, когда великая держава стремилась сокрушить более слабую путем нарушения договора и силы оружия". Граф Шефтсбери, в религиозности которого никто не сомневается и чья преданность делу свободы вероисповедания заняла для него высокое место в анналах Англии, ответил на этот вопрос с истинной точки зрения. В своей виртуозной речи в Палате лордов о турецких трудностях он сказал: "Что касается союза с Турцией, то существует большая разница между союзом с любой державой, какой бы языческой она ни была, для поддержания дела справедливости и порядка против агрессии исповедующих христианство, и союзом, результатом которого было бы развитие и приумножение этой державы. Справедливость, Порядок и Праведность - это такие вещи в глазах Бога, что их необходимо уважать. * * Можно было бы показать, что у турок были возможности для продвижения цивилизации и совершенствования человечества, в которых было отказано христианам на территории России и в которых они были бы лишены еще больше, если бы император получил возможность распространить свои владения на Восток. В Турции насчитывается более сорока городов и деревень, в которых существуют отдельные общины протестантов, отделившихся от Греческой церкви. * * За последние двадцать лет распространение Библии в Турции было почти невероятным; в то время как в России — языке народа - с 1823 года не было напечатано ни одного экземпляра, и ее распространение запрещено под страхом самых суровых наказаний. Учитывая, что в его владениях проживает 2 000 000 евреев, император не позволит ни одному экземпляру Священных Писаний на иврите пересечь границы". Граф Шефтсбери также зачитал следующий императорский фирман, который демонстрирует щедрость султана, резко контрастирующую с духом преследования царя: —

Фирман.— Моему визирю Махмуд-паше, префекту полиции Константинополя. Когда это возвышенное и августейшее повеление достигнет вас, пусть будет известно, что до сих пор те из моих подданных-христиан, которые приняли протестантскую веру, испытывали много неудобств и огорчений. Но, в необходимом соответствии с моим императорским состраданием, которое является поддержкой для всех и которое проявляется ко всем классам моих подданных, моему Императорскому соизволению противоречит то, что какой-либо один класс из них должен подвергаться страданиям. Поскольку, следовательно, по причине своей веры вышеупомянутые уже являются отдельной общиной, моя королевская сострадательная воля заключается в том, чтобы для облегчения ведения их дел и для того, чтобы они могли обрести легкость, покой и безопасность, было назначено верное и заслуживающее доверия лицо из их среды и по их собственному выбору с титулом *Агента протестантов*, и чтобы он был в отношениях с префектурой полиции. Вы не позволите, чтобы от них что-либо требовали под предлогом уплаты пошлины или под другим предлогом получения свидетельства о браке или регистрации. Вы позаботитесь о том, чтобы, подобно другим общинам империи, во всех их делах, таких как обустройство кладбищ и мест отправления культа, у них были все возможности и любая необходимая помощь. Вы не позволите, чтобы какая-либо из других общин каким-либо образом вмешивалась в их здания, или в их мирские дела или озабоченности, или, короче говоря, в какие-либо их дела, светские или религиозные, чтобы таким образом они могли свободно следовать обычаям своей веры. И вам предписывается ни на йоту не допускать, чтобы к ним приставали в этих деталях или в каких-либо других; и приложить все внимание и настойчивость, чтобы поддерживать их в покое и безопасности. И, в случае необходимости, они будут вольны делать представления относительно своих дел через своего агента Блистательной Порте”.

“ В этом, ” продолжал граф, - я полагаю, кроется весь секрет действий российского императора. Он видел, что это придаст этим греческим христианам статус, признанную независимость и освободит их от влияния России; он видел, что распространение Священного Писания порождает стремление к свободе, за которой неизбежно должна следовать религиозная свобода, и его собственные владения примыкали к тем, в которых эта религиозная свобода допускалась ”.

Истинную природу религиозного движения в России хорошо указал лорд Стратфорд де Редклифф. Он вкратце излагает графу Кларендону состояние вопроса, когда тот прибыл в Константинополь, и трудности, стоящие на пути к его разрешению. Что касается мирного урегулирования разногласий, то, по его словам, “Перспективы в этом направлении были бы более многообещающими, если бы Россия демонстрировала признаки склонности действовать в соответствии с христианскими, а не сектантскими принципами. Но, похоже, что защита, которую ее правительство желает осуществлять с таким небольшим контролем или ограничением, носит строго исключительный характер; и до меня дошло из более чем одного источника, что среди мотивов усиления их влияния в этой стране есть желание подавить протестантизм, где бы он ни проявлялся”. — (*Синяя книга*, том i, стр. 29.)

Англия, Франция и Турция стремились лишить этот спор какого-либо характера противостояния исламизма и христианства и поставить его на широкую основу справедливости. Император стремился превратить это во второй крестовый поход и использовал все свое влияние как глава Церкви, чтобы разжечь фанатизм, сектантское рвение и религиозный фанатизм своего народа.

Поступая таким образом, он показал себя способным пустить в ход самое страшное из всех видов оружия, чтобы с его помощью достичь своей цели. Вряд ли можно было ожидать, что член самой мирной и терпимой христианской общины поможет ему в этом ужасном и незаконном поступке. Это еще одна роковая иллюстрация того, как далеко люди позволяют завести себя, когда однажды они отказываются от строгого пути разума и позволяют чувствам и предрассудкам исказить их здравые суждения.

Прежде чем я оставлю этот вопрос о “секретной переписке”, я процитирую отрывок из сэра Г. Х. Сеймура, который я рекомендую к самому тщательному рассмотрению тем, кто думает, что Россия желала сохранить дружеские отношения и справедливость с Портой. Слова такие:—“у государя, настаивает с большей настойчивостью при неминуемом падении соседнего государства, должны были убедить в его собственном сознании, что ежечасно, если не его расторжении, однако для его расторжения, это на руку.” На мой взгляд, ясно, каким образом Николас принял решение относительно этого роспуска; и не его вина, если этот час не настал.

Еще несколько слов. Один курс, проводимый Обществом мира, очень странный. Принося извинения и защищая Россию, большинство его публичных ораторов и лекторов осуждают Францию и Австрию. Я не буду защищать ни одну из этих Держав. Те, кто выступает против России на тех же основаниях, что и я, не торопятся делать *это*. Но как могут эти люди, выступающие против нынешней войны, примирить со своей совестью стремление поссорить нас с двумя другими державами? Неужели они осуждают войну только тогда, когда она ведется против любимого деспота, и безрассудно раздувают пламя, когда это касается других? Каковы бы ни были их причины, это все равно странная проблема, с решением которой эти джентльмены могут столкнуться с некоторыми трудностями. Теперь, когда мы находимся в состоянии войны, давайте надеяться, что мы снова не вложим меч в ножны до тех пор, пока не обеспечим мир на такой прочной основе, что ни будущие склочники из—за ключа, камня или купола, с одной стороны, ни чрезмерные и беспринципные амбиции, с другой, не смогут нарушить мир наций, угрожать существованию и свободам более слабых государств, прервать мировую торговлю и затормозить цивилизацию расы. В течение многих лет Россия была инкубом Европы. Она хладнокровно пресекла все его устремления и послала свои сомкнутые легионы, чтобы погасить в крови зарождающуюся жизнь и возрождающуюся свободу многих государств. Ее имя наводило ужас, ее присутствие - проклятие; ее орудия - обман, грабеж и разрушение; ее правление основано на невежестве, суевериях и рабстве; и, будучи сама жестокой, она знает только одну систему управления людьми — систему, которая зависит от цепей, кнута, Сибири и смерти! Человек, восхваляющий такую систему, вряд ли способен говорить на языке, на котором говорил Шекспир; и поскольку он в значительной степени русский подданный, жаль, что его гражданство неполно и что он был обитателем под ее мягким правлением — временным гостем под ее милосердными небесами. Ради него наши предки жили, боролись и напрасно добились свободы.

“Кто бы не покраснел, окажись такой мужчина рядом?
Кто бы на его месте не плакал?”

Дж. А. ЛЭНГФОРД, ПЕЧАТНИК, ЭНН-СТРИТ, БИРМИНГЕМ.

СНОСКИ.

[9] Прогресс и современное положение России на Востоке: исторический обзор, предисловие, стр. vi.

[11a]Продвижение России на Восток: исторический обзор, стр. 153.

[11b]Продвижение России на Восток: исторический обзор, стр. 159.

[11c]Письмо Джона Брайта, эсквайра, члена парламента

[12]“Теперь княжества были захвачены не только без каких-либо претензий на право, но и с самыми вопиющими нарушениями всех принципов права армиями России. Доходы княжеств были конфискованы, все частное *имущество* этих стран подвергнуто секвестру, а жители вынуждены вступать в русскую армию и вести войну против своего собственного Государя”. *Лорд Линдхерст, в Палате лордов, 20 марта 1855 года.* Даже слабая, колеблющаяся Пруссия, союзница России, была вынуждена признать, что “была совершена великая ошибка”.

[14] Продвижение России на Восток: исторический очерк, с. 148-49.

[16a]Продвижение России на Восток: исторический обзор. Предисловие, стр. v. и vi.

[16b]Приведенный выше отрывок взят из ценной карты мистера Эрроусмита, прилагаемой к брошюре “Прогресс России на Востоке; исторический обзор”.